

Необычный гимн обычной пизде

1. Предисловие

Всё когда-то случается в первый раз. У подавляющего большинства мужчин *первая женщина* оставляет лишь смутные воспоминания да чувство неловкости. Тем не менее, опыт этот трудно переоценить, так как, зачастую, он разворачивает всю последующую сексуальную жизнь в то или иное русло.

Я лишился девственности в институте, с одной простенькой и невзрачной девушкой из нашего потока. Её звали Аня. Был первый курс. Вокруг парни только и говорили, что о женских гениталиях и связанных с этим маневрах. Повсюду царила гиперсексуальность и прыщеватость.

Я вряд ли обратил бы внимание на эту Аню, но был один случай, который заставил меня сделать это.

2. Медосмотр

В самом начале учебы, на первом курсе, у нас был медосмотр. Там была предусмотрена одна странная и многими рассматриваемая как позорная операция. Надо было сдать анализ мочи. Ничего предосудительного в самом этом факте нет. Однако, так как народа было море, наши циничные медики придумали остроумный трюк, который по их мнению, существенно ускорял их деятельность и избавлял от необходимости плавать в море разлитом студенческой мочи.

В медпункте был туалет. С этим туалетом граничило так называемое *техническое помещение*. В этом помещении обычно были свалены всякие ненужные медицинские вещи. На этот раз, техническое помещение по возможности разгребли. Там на полу были расставлены десятки пустых баночек. Изуверская технология, придуманная медиками, была такова: каждый

осматриваемый должен был взять у врача индикаторную полоску с уникальным номером, зайти в техническое помещение, закрыть за собой дверь, наполнить баночку мочой (попросту, пописать в неё), окунуть индикатор в мочу, а затем выйти из тех. помещения, отдать индикатор врачу, а мочу из баночки вылить в находящийся рядом туалет и баночку вымыть.

Уж чего таким образом хотели узнать наши медики, я не понимаю до сих пор. Однако, это определенно не был тест на беременность, так как проверяли и парней и девиц.

В медпункте царил ажиотаж, толкотня и шум. В какой-то момент я оказался в очереди прямо перед дверью технического помещения. Неожиданно, щеколда громко щелкнула, дверь открылась и на пороге появилась невзрачная Аня - моя однопоточница. В руке она гордо держала литровую банку, почти на половину заполненную янтарно-желтой и в то же время прозрачной жидкостью - её, аниной мочой. Края банки были в густой испарине - анина моча была горяча. На поверхности плавала тонкая белесая пенка. Толпа за моей спиной беспощадно прижимала меня к двери, ведущей в техническое помещение, и бедной Ане пришлось практически протискиваться мимо меня, чтобы сдать свою мокрую, неопределенного цвета индикаторную бумажку. Девушка потупила взор и мелко семинила, почти касаясь меня. В этот момент я отчетливо уловил пряный запах, идущий от Аниной банки. В воздухе неотвратимо распространялось тонкое и, в то же время резкое амбре женской мочи, только что покинувшей мочевого пузыря хозяйки.

Зайдя в техническое помещение и заперев за собой дверь, я некоторое время боролся с разбушевавшимся членом. На полу, на некотором расстоянии от позорных баночек отчетливо виднелись многочисленные отдельные капли и целые сполохи жидкости. Моча, понял я. Я мог дать зуб, что парни без труда попадали в банку - незарегистрированный член все-таки довольно удобная штука. Женщинам же, с их непростой анатомией, было гораздо сложнее решить эту проблему, не проронив ни капли на пол. Таким образом, пол в этом углу комнаты был обильно уделан знакомыми и незнакомыми мне девицами.

Моё воображение немедленно нарисовало яркую картину, того, как наша поточная замухрыжка Аня стягивает джинсы и трусы, неловко приседает,

Необычный гимн обычной пизде

одновременно поднимая с пола пустую ещё пока, стеклянную банку, подставляет банку под волосатую промежность и некоторое время ждет, пока моча ищет выход из тела. После этого раздается неуверенный фс-с-сык и предательская струя устремляется в сторону по половой губе, минуя края спасительной банки и звонкими пахучими каплями падая на пол. Аня мучительно перекрывает мочеточник, несколько одиноких капель грустно отделяются от её промежности и падают в банку. Через несколько мгновений, предельно сосредоточившись, Аня начинает потихоньку сцеживать горячую жидкость в банку. К этому времени её непростая пизда, ещё хранящая следы смятости под трусами, уже приняла более правильную конфигурацию, и может извергать мочу единой почти управляемой струей. Аня ссыт всё более и более уверенно, и в какой-то момент напор усиливается настолько, что её пизда начинает петь. В банке к этому времени уже бурлит почти пол-литра мочи. Вероятно, уже приехав на медосмотр, Аня хотела писать. Хоть это радует - не пришлось мучительно выдавливать из себя по капле. . . Когда струя иссякает, Аня ещё некоторое время зависает над баночкой. Одинокие капли падают в банку с волосатой промежности. Подтереться здесь нечем (я, во всяком случае, не увидел нигде смятых женских бумажек). Аня делает неуклюжую попытку несколько раз присесть над банкой, чтобы стряхнуть остатки мочи с волос, но янтарная жидкость наполовину заполненной банки начинает опасно раскачиваться. С досадой поставив банку на пол перед собой, Аня быстро натягивает трусы и джинсы, одновременно ощущая, как остывающие капли мочи пропитывают ткань трусов.

Вся эта картина пронеслась у меня в голове за доли секунды. Представив себе писающую Аню, сдающую анализ, я возбуждился ещё больше. Кое как добыв член из брюк, я понял, что ситуация аховая, так как мне никоим образом не направить струю вниз. Некоторое время помучившись с непреклонно-несгибаемым самостоятельным телом моего члена, я, обзывая его самыми последними словами, пытался думать о чем-нибудь гадком и антисексуальном, например, о надвигающемся коллоквиуме по химии, но в следующий момент уже ловил себя на мысли о том, что снова и снова возвращаюсь к возбуждающей теме женского мочеиспускания.

3. Аня

С этого момента, я, что называется, запал на Аню и всё, что с ней связано. . . Вскоре я затащил её к себе домой под каким-то смешным предлогом. Между ног у меня бушевал костер. В голове царил ураган мыслей и все об одном. "Нравлюсь ли я ей?" - я был почти уверен, что да. Иногда какими-то неизведанными окольными путями из женского лагеря к нам доходила инсайдерская информация. "Но с чего начать? Как сделать так, чтобы не испортить все одним движением, жестом, словом?"

При всем при том, она шла ко мне в гости как на заклятие. Я смел наивно надеяться, что она не догадывается, зачем я её пригласил. Она, конечно, обо всем догадывалась. Я чувствовал себя почти графом Дракулой. . . Что надо делать в такой ситуации я представлял лишь в общих чертах - по разговорам с друзьями, - такими же, как и я профанами. В 85-м году ещё не было обстоятельных руководств типа "Секс для чайников". А как бы мне тогда это пригодилось.

Аня лениво перемещалась по моей комнате, скучливо разглядывая разноцветные корешки моих многочисленных виниловых пластинок. Я понимал, что для того, чтобы чего-нибудь добиться, мне необходимо уменьшить дистанцию настолько, насколько это возможно в сложившейся ситуации. На помощь мне пришел магнитофон с какой-то унылой баландой. Неожиданно, она с радостью согласилась потанцевать. Я уловил запахи незнакомых духов, дезодоранта, свежевспотевшего девичьего тела и скрывающей тинейджерские изъяны кожи косметики. Под руками у меня оказался непроницаемый бандаж её джинсов. Её маленькие острые грудки, упакованные в девичий лифчик, уперлись мне в печень. Аня была невысокой девушкой. Мы пытались говорить о чем-то, но получалось плохо, так как я всецело был занят ощупыванием её зада под сбруей нелепых джинсов. Она же понимала, что моя неумелая атака началась.

В конце концов, каким-то образом я проник к ней под свитер и ощутил прохладу её кожи в испарине. Было не до танцев - мы почти остановились. Я ощущал под ладонями легкую дрожь - казалось, вибрировало всё её тело. В какой-то

Необычный гимн обычной пизде

момент я дотронулся большим пальцем до шелкового лифчика и ощутил кисельную мягкость её небольшой груди.

"Давай сядем" - неожиданно сиплым голосом выговорила она. Мы уселись на диван. В комнате было почти темно. Она была слева от меня, соответственно, левой рукой я обнял её за талию. Правая же рука была свободна и готова для моих изысканий.

С неимоверным трудом, не произнося ни слова, и не вставая со злосчастного дивана, я справился с молнией на её тесных джинсах. Я решительно, осознавая неизбежность момента, сунул руку под ремень расстегнутых джинсов и отчетливо понял, что настал мой момент истины. Под рукой я ощутил узкую полоску шелковых трусиков с очень тугой, как мне показалось, резинкой. Я просунул руку под резинку и уперся в валик жестких кучерявых на ощупь волос. Поводив рукой влево и вправо, я понял, где кончается опушка лобка, и попытался просунуть руку дальше. Это оказалось непросто. Кончики пальцев уперлись в непреодолимый клубок длинных жестких волос. Она почувствовала дискомфорт. Мне показалось, что Аня несколько мгновений сомневалась, продолжать это всё или нет. . . в следующее мгновение решение, похоже, было принято. Аня решительно сдвинула свой широкий таз на самый край дивана. Тело её при этом оказалось практически в горизонтальном положении. Она тяжело прерывисто дышала. Мои пальцы, почувствовав свободу, начали опускаться ниже. Волосы кончились неожиданно. В следующий момент я ощутил под указательным и безымянным пальцами симметричные расходящиеся в разные стороны валики. Средний же палец оказался на упругом кожаном бугре.

4. Озарение

В то время я вообще не представлял себе тонкой анатомии женской пизды. Мне казалось, что естественным было бы нащупать отверстие, в которое, в последствии, неплохо бы вставить член. Надо сказать, что с самого начала нашего "культурного мероприятия" мой член стоял как кол. Сейчас, сидя, я ощущал неестественно напряженную головку у самого своего пупка.

В следующий момент Анина пизда просто поставила меня в тупик. Под пальцами ощущался целый комок горячих и пропитанных какой-то маслянистой жидкостью кожаных складок. Все это ощущалось под пальцами вперемешку с длинными, умасленными той же жидкой субстанцией волосами. Мои пальцы начали лихорадочно шарить в этом хаосе Аниной промежности. Разумеется, я и не думал признаваться Ане, что я девственник - это было бы невыносимо позорно для такого чайника, каким был я. Но не девственник должен был (по моим тогдашним понятиям) хорошо разбираться в том, как устроена женская промежность и что с ней полагается делать.

Я с ужасом представил, как мы стащим с Ани джинсы и насквозь пропитанные непонятными выделениями трусы. . . И что я буду делать со своим стоящим колом членом? Куда тут его можно поместить?

В отчаянии я нажал на мясистую призывно торчащую вперед сердцевину Аниной пизды. Складки неожиданно раздались и пальцы, отчетливо хлюпнув, провалились в неглубокую ямку, наполненную вязкой горячей субстанцией, которая, впрочем, была уже повсюду, быстро прибывая откуда-то из женских аниных недр и, ощущаемая мною даже уже тыльной стороной руки.

"Ой!" - вскрикнула Аня и, одновременно задирая ноги и наклоняя вперед туловище, начала садиться на диване, чуть не сломав при этом мои любознательные пальцы.

"Мне пора уже" - хрипло и безапелляционно произнесла она. Я был в отчаянии. Кое-как высвободив руку из влажного плена её промежности, я как бы невзначай провел мокрыми пальцами под носом. Я ощутил незнакомый, довольно резкий и показавшийся мне в тот момент очень серьезным, запах. Так пахло женское возбуждение. Мой жест не остался незамеченным. Аня неуклюже обняла меня, схватив за чем-то руку с запахом, и сжав пальцы так, что хрустнули кости, впилась мне в губы, звонко клацнув зубами о мои зубы. Некоторое время я ошеломленно ощущал вкус её помады и шершавый мокрый язык, за чем-то засунутый мне в рот и спонтанно ощупывающий обратную поверхность моих зубов. Оторвавшись от меня, она прагматично пощупала мои пальцы "пахнувшей" руки. Они уже были сухи. Вода женского возбуждения испаряется быстро как спирт.

Необычный гимн обычной пизде

"Мне было очень хорошо" - выдохнула она мне в лицо, обдав меня горячим, свежим дыханием. "Мне тоже" - промямлил я, не понимая толком, чего же тут хорошего.

После этого она поднялась с дивана, отвернулась к окну и быстро произвела какие-то манипуляции с нижней одеждой и джинсами.

"Проводи меня" - попросила она. Я поплелся за ней в коридор.

"А где у вас. . .?" - она вопросительно посмотрела на меня. Я с трудом понял, что она имеет ввиду туалет.

"Вот" - указал я на дверь. Мы стояли в двух шагах. Она решительно преодолела это расстояние, непривычно громко несколько раз щелкнула выключателями (не сразу зажгла свет в туалете). Потом, закрыв за собой дверь, некоторое время неуклюже разбиралась со щеколдой замка.

"Да кто тебя, блин, украдет, мы же одни" - с досадой подумал я. В это время в туалете раздался решительный "в-вж-и-х" молнии на джинсах. В крошечной тишине квартиры, Аня мощно, по-коровьи *ссала* секунд сорок, а потом бесконечно долго подтиралась, отматывая и отматывая туалетную бумагу. Вероятно, кроме мочи, по обыкновению остающейся на складках пизды, Аня тщательно пыталась избавиться от обильных выделений, которые на тот момент обильно покрывали её промежность. После, натянув трусы и джинсы, шумно слив воду и быстро попрощавшись, Аня отправилась домой.

Мы повторяли эти сеансы ещё раз пять. Все повторялось из раза в раз - почти в полном молчании. Я уже неплохо ориентировался в её промежности. С каждым "сеансом" обилие складок смущало меня всё в меньшей и меньшей степени. Я даже научился в самом начале сеанса аккуратно разводить большие и раскрывать малые половые губы, а потом, удерживая всю эту невидимую красоту исследовать набухший мешочек клитора и источающее маслянистую влагу преддверье влагалища.

Наши сеансы становились все продолжительнее. На четвертый-пятый раз я уже манипулировал в аниной промежности минут по 30-40. Периодически, я, похоже, затрагивал какие-то нежные струны аниной души, и она начинала

вибрировать, громко вздыхать и даже охать. Сейчас это может показаться поразительно, но тогда я, уже будучи взрослым парнем, даже примерно не представлял себе назначение того же женского клитора - этой удивительной пусковой кнопки, с помощью которой можно даже самую суровую и неприступную женщину заставить . . . кончить. Совершенно запретным действием с моей стороны в наших сеансах было запихивание пальцев в пизду больше, чем на одну фалангу. Дело в том, что Аня была девственницей и не хотела лишиться этого знака первозданности в процессе безобидного студенческого петтинга. Я же смутно представлял, что девственность характеризуется наличием, где-то на входе во влагалище некой преграды, разорвав которую, я непременно стану мужчиной, а Аня. . . женщиной. Из разговоров со сверстниками я также знал, что делать это лучше всего членом, но никак не пальцем. Поэтому я легко принял это правило и не настаивал.

Каждый раз, покидая мою квартиру, Аня шумно, безо всякого стеснения *справляла малую нужду* за тонкой дверью туалета. Это стало как бы фирменным, завершающим аккордом каждой нашей встречи - в фаянс унитаза бил неизменно мощный и звучный анин фонтан горячей мочи вперемешку с пахучими соками возбуждения, смываемыми этой ошеломляющей струёй. Аня же, зная, что я стою, не дыша как столб, рядом с дверью в туалет, как бы утверждала своё право быть женщиной и мощно писать, сидя на с детства знакомом мне унитазе...

5. Постигая азы

Наши сеансы приобретали довольно однобокую направленность. Я увлеченно ощупывал Анины гениталии, от неё же кроме неубедительного мычания, да возгласов о том, как ей хорошо со мною, я ничего не слышал. Меня начинал волновать тот факт, что Аня ни разу не сделала попытки потрогать мой член. "Неужели он ей совсем не интересен? Женщины не интересуются мужскими членами? Или это её отношение ко мне?" - вопрошало подсознание. Из недавнего детства я вынес сознание примитивной симметричности окружающего меня мира. Если женщины стесняются оказаться голыми перед мужчинами, то и наоборот, мужчины также должны стесняться. Соответственно, если я увлеченно ощупываю анину пизду, то и она должна

Необычный гимн обычной пизде

стремиться изучить мой член. Мои представления о равноправии были на грани банкротства. И я предпринял решительный шаг.

В один из вечеров усадив Аню на диван, я решительно расстегнул не её, а свои джинсы и стянул трусы. Напомню, что мы занимались этим впотьмах, единственный свет в комнату приходил с улицы от висящего неподалеку фонаря.

В тусклом свете поверх джинсов параллельно плоскому животу стоял мой до предела возбужденный член. Аня со страхом уставилась на этот причиндал. Во взгляде её читался немой вопрос: "Это ты к чему?". " Возьми его" - отчебучил я. "Как?" - был задан убийственный вопрос. "В руку" - уныло ответил я.

Аня нерешительно протянула руку к моему члену и несильно обхватила его в кулак. Я ощутил потную ладонь взволнованной Ани где-то посередине ствола. А дальше. . . ничего не произошло. Аня так и сидела, держа мой член в руке и вопросительно смотря на меня. По правде говоря, я и сам не смог бы ей объяснить, что делать с этой до предела накачанной кровью торчащей палкой. С другой стороны, это, очевидно, был первый в жизни Ани мужской член. Как же не воспользоваться моментом? Ведь, несмотря на кажущуюся простоту устройства (женская пизда устроена не в пример сложнее), здесь тоже было что посмотреть. Например, форма: жилистый прямой чуть изогнутый ствол. Широкая головка, придающая члену форму тарана, с ямкой, ведущей к небольшой, вертикальной, отчетливо видной прорези уретры, на которой выпукло блестела тусклая капля моей смазки. Наконец, яйца, каменно плотные, услужливо выгнавшие куда-то в организм ударную порцию спермы, готовой по первой команде вырваться наружу. Аня сидела как истукан. Я был почти обижен. А ведь девчонка попросту не знала, что ей делать с моим членом. Что рисовало её воображение? Миньет? Да знали ли мы тогда это слово. . .

Тем не менее, не смотря на некоторые неурядицы, я, в конце концов, достаточно изучил строение Аниной промежности на ощупь. Мне захотелось продолжения. Теперь мне необходимо было всё это увидеть. Уговорить Аню показать мне, что творится у неё между ног, оказалось очень непростой задачей. Не буду приводить здесь всех перепитий, пререканий и взаимных

обид с угрозами прекратить всяческие отношения, но, в конце концов, сопротивление Ани было сломлено. Помню, был назначен точный день, когда это произойдет. В это время Аня должна была гарантировано не менструировать. На свидание она опоздала. Я уже почти кипел от возбуждения.

Прелюдия была обыкновенной. Далее, усадив её на диван, я приступил к обещанной аннексии. Я, пыхтя стаскивал с Ани брюки, она же даже не догадывалась приподнять свой широкий зад, чтобы помочь мне. В конце концов, брюки были сняты.

Аня осталась в носках и белых чистых трусиках, спереди которых, отчетливо просматривалось бесформенное пятно казавшихся густыми и черными лобковых волос. Я решительно схватился пальцами за резинку её трусов.

"Подожди!" - повелительно произнесла она. "Сорвалось!" - отчаянно пронеслось у меня в голове. В это время Аня одной рукой быстро оттянула резинку трусов спереди, и одновременно, другую руку подсунула в образовавшуюся щель. Затем, почти мгновенно она коснулась рукой промежности и вытащила руку обратно. В последствии, я неоднократно отмечал этот почти рефлекторный женский жест в решительный момент непосредственно перед сексом, если у неё нет возможности подмыться. Женщина как бы задает своему телу вопрос: "не вытекло ли из меня чего лишнего?". Оставшись довольной состоянием своей промежности на ощупь, Аня вопросительно уставилась на меня. Я понял, что мне дан карт-бланш на продолжение моего исследования.

Как и в первый раз, я ухватился пальцами за жесткую резинку трусов и потянул её вниз. На этот раз Аня догадалась помочь мне и чуть приподняла зад над диваном, так, что трусы легко снялись до колен, а дальше я поспешил сдернуть их с одной из молочных ног. В этот момент Аня вцепилась в промежность своих трусов рукой, безапелляционно произнесла: "оставь так". Таким образом, трусы остались на одной ноге, крепко удерживаемые Аниной рукой. Меня удивляла сила, которую Аня демонстрировала во время наших "сеансов", объявляя то или иное очередное табу. В этот раз у нас состоялось целое сражение из-за света. Моей задачей было, во что бы то ни стало

Необычный гимн обычной пизде

оставить хоть какой-то свет в комнате. Аня же намеревалась свет, как и всегда до этого, погасить. Это могло сломать все мои планы, ведь в темноте вождеденную промежность не увидишь. . .

Через пол-часа перереканий был найден компромисс в виде неяркого бра, которое зажгли над диваном. Полумрак сохранился, но появился реальный шанс рассмотреть анину промежность.

В следующий момент я оказался на коленях на полу перед сидящей на краю дивана Аней. Положив ладони на круглые Анины колени, влажными от волнения руками, я отчаянно развел её ноги, между которыми скрывалось то, чего с таким вождедением я ожидал и ради чего жил последние пару недель. Я приблизил лицо к Аниной промежности. Меня обдал уже знакомый запах женского возбуждения, теперь смешивающийся с едва заметным ароматом аниной мочи. То, что я увидел, поразило меня. В первый момент перед глазами всё смешалось.

Если можно так сказать, Анин лобок был запущено заросшим. Вероятно, она не испытывала неудобства от обилия длинных волос в промежности, а может, в силу раннего возраста, просто не освоила нехитрую процедуру подравнивания и укорачивания прически на лобке.

Волосы на анином лобке росли совершенно самостоятельно и безнадзорно, покрывая значительную площадь широкой курчавой полосой с неровными краями и беспорядочно торчащими в разные стороны волосками разной длины. Эта шерсть оказалась не такой густой, как казалась на ощупь. По краям, ближе к бедрам между редких длинных волос отчетливо просматривалась белая кожа. Ближе к центру волосы образовывали валик более плотных и густых волос. Здесь Анина шерсть больше напоминала войлок. Этот валик плавной дугой, уходил под Анину промежность, неожиданно раздаваясь в стороны двумя большими и, как бы припухшими складками, с внешней стороны густо поросшими теми же волосами. Внутренняя же сторона этих складок была покрыта менее густыми длинными волосами.

Но этим все, естественно, не кончалось. Я был поражен, тем, что из под больших волосатых складок аниной пизды, отчетливо высывались наружу

симметричные, бордовые как гребень петуха и такие же неровно гребенистые лоскуты кожи, совершенно безволосые, своим яростным цветом жестоко контрастирующие со всем остальным белым аниным телом. Эти кожанные губы (я так их сразу и назвал) смыкались в верхней части аниной промежности, образуя что-то вроде примятого капюшона, аккуратно сложенного как капустный качан из нескольких складок кожи. Этот странный отросток неестественно и призывно торчал вперед сантиметра на полтора, высываясь из густых курчавых волос (как я убедился потом, у Ани был не самый большой клитор, которые мне предстояло встретить в жизни). Похожесть этого гребешка на крохотный утрированно недоразвитый членик, поразила меня в тот момент.

Трепеща, дрожащими руками я, положив большие пальцы рук на большие кожанные складки, и, зачем-то сложив указательные пальцы лодочкой, развел анину пизду в разные стороны. Одновременно с большими складками, охотно разошлись и торчащие неровной бордовой гребенкой малые губки. Между губками открылась неглубокая полость, покрытая нежно розовой гладкой кожей. Вся внутренность этой полости была заполнена полупрозрачной тягучей жидкостью. Запах усилился. Пока я растягивал анину промежность в стороны, между верхними краями малых губок эта субстанция на несколько мгновений образовала белесую перемычку, которая, впрочем, через мгновение неохотно лопнула. Так вот, как выглядит эта жидкость, которая всякий раз покрывала мою руку, и издавала сильный мускусный запах, которого так стеснялась тогда девушка Аня. . .

В нижней своей части бордовые торчащие губки сходились вместе и терялись в густой непролазной шерсти, которая в свою очередь пряталась в ложбине между двумя симметричными белыми булками аниной задницы. Не было сомнения, что где-то совсем недалеко, чуть вниз по этой ложбине располагалось плотно сомкнутое отверстие аниного ануса, который, впрочем, использовался нечасто и для гораздо более серьезных дел. . .

Я растянул анину пизду широко как мог. Теперь мои большие пальцы всей длиной лежали на горячей женской промежности. По ходу дела, я догадался перехватить временно порученные мне женские гениталии и теперь удерживал

Необычный гимн обычной пизде

не только внешние - большие, но и малые кожаные анины губы неестественно растягивая всё это хозяйство в разные стороны. Розовая кожа преддверья ровным полотном убегала куда-то в темное и пока неизведанное анино нутро. На левой губе я с удивлением заметил "инородное тело". Здесь, ближе к краю малой губы прилип крохотный, но отчетливо контрастирующий кусочек чего-то белого, очевидно вытекшего из Ани вместе с маслянистой жидкостью. ". . . и так давно я не еблась - в пизде уж плесень завелась" - пронеслись в мозгу слова, когда-то выученной в спортивном лагере шкодной песенки. Аккуратно, чтобы не спугнуть партнершу, я указательным пальцем подцепил этот инородный кусочек и он остался у меня на пальце.

Как говорят, первое впечатление самое сильное, оно же - самое правильное. Восхищенно разглядывая анино междуножье, я пытался определить то, что вижу. Я понимал, этот момент необходимо запомнить на всю жизнь вне зависимости от того, как сложатся наши с Аней отношения. Передо мною предстала первая в моей жизни пизда. Это определено было событие. Первым верным словом, которое было выбрано моим воспаленным мозгом, было слово *ВУЛЬГАРНОСТЬ*. До чего же *ВУЛЬГАРНО*, *РАЗУХАБИСТО*, *СМЕЛО*, *БЕЗАПЕЛЛЦИОННО* и одновременно *СЛОЖНО* природа сконструировала женскую пизду. Какие рефлекторные центры в моём только просыпавшемся в тот момент мужском мозгу были затронуты и включены видом этих призывно окрашенных в цвета возбуждения хитросплетений женских гениталий, спонтанно перемазанных резко пахнущей и медленно сочащейся откуда-то смазкой женского возбуждения? И кто бы мог предположить, что между ног полноватой, очень обыкновенной серой мышки - Ани скрывается такой умопомрачительный орган?

Я безусловно не был влюблен в Аню, я даже не испытывал к ней особой симпатии. Я просто удовлетворял своё любопытство и, что греха таить, переполняющую меня похоть. В этот момент я понял, что *ЛЮБАЯ* средняя женщина в этом мире оснащена пиздой - могучим и непреодолимым оружием, способным заставить мужчину терять голову и совершать самые безрассудные поступки.

Наверное, именно в этот момент резко изменилось мое отношение к

противоположному полу. До этого, моё мнение в основном формировалось сверстниками- друзьями, в прыщеватых и упоенно- дробащих в кулак компаниях подростков, питающихся в свою очередь информацией, исторгаемой серой массой среднестатистических взрослых мужчин, не очень умных от рождения и, с возрастом, непредотвратимо и безнадежно теряющих восхищенное отношение к противоположному полу.

Стоя на коленях перед широко разверстым аниным нутром, я ощутил ни с чем несравнимую свободу от чужого мнения, от бесцельных и злобных мыслей тотальной неудовлетворенности окружающего меня серого социума, воспринимающего женщину лишь куклу с дыркой между ног, и даже не представляющего какая непреодолимая мощь заложена природой в спрятанных под женскими трусиками пахучими складками кожи.

Спустя несколько минут, Аня начала проявлять беспокойство. Я, как пыльным мешком по голове ударенный, рассматривал и ощупывал её пизду. Пауза действительно начала затягиваться. Аня сделала попытку сдвинуть ноги, и сесть поглубже на диван. Это ей отчасти удалось, так что её мокрая волосатая промежность надежно прижалась к шерстяному покрывалу дивана. Я с досадой понял, что сеанс окончен. Мозг лихорадочно анализировал то, что я только что увидел.

Две вещи так и остались под вопросом. Во-первых, я не нашел даже следов той магической затычки, расположенной природой где-то на входе в женщину, определяющей статус девственности и называемой в обиходе "целкой ". Никакой *целки* я не увидел. Так, что, что предстояло порвать моему девственному члену во время нашего первого "взрослого" свидания с Аней (а я почему-то был уверен, что оно состоится), я так пока и не понял. Во-вторых (и этот вопрос интересовал и возбуждал меня в не меньшей, а возможно, и в большей степени), я не нашел отверстия, из которого Аня мочится. Я, как мне казалось тогда, очень внимательно рассмотрел возбужденные гениталии моей партнерши, но не нашел даже намека на какой-либо мало-мальски подходящий канал, по которому так часто, обыденно и возбуждающе слышно вырывалась бы наружу мощная струя ароматной и вожденной аниной мочи.

Тем временем, Аня уже производила завершающие пассы со своей одеждой.

Необычный гимн обычной пизде

Всякий раз, перед выходом из комнаты, Аня тщательно застегивала молнию на джинсах, чтобы через несколько мгновений, дойдя до туалета снова расстегивать её.

Как и обычно, перед уходом, Аня одарила мой унитаз мощной струей из своей уже теперь почти знакомой мне пизды. В этот раз мне показалось, что она *ссыт* гораздо дольше и даже сильнее, чем раньше, возможно, сказалось волнение и возбуждение новой ситуации. Затем она по-обыкновению тщательно подтерлась и, попрощавшись, ушла домой. . .

Я повторял свой "осмотр" еще несколько раз. Теперь я достаточно хорошо познакомился с аниной промежностью и визуально. Мне казалось, что я достаточно изучил её.

6. Тогда

Теперь мы были с ней неразлучны. Вместе мы сидели на лекциях, вместе проводили переменки. Представители окружающей меня дружно дрожащей братии пытались было указать мне на неправильность выбора, но, убежденный в своей правоте, я поднял их на смех. Любые поползновения в наш адрес я воспринимал со смехом, а про себя почти жалел этих неудачников, в своем сером неведении даже не догадывавшихся об удивительном устройстве, расположенном между полными ножками моей всегда аккуратной невысокой подружки. Вскоре от нас отстали.

Однако, я стремился к большему. Теперь я настаивал на "взрослом" свидании.

Долго-долго Аня не могла решиться на это. Нами были проведены часы в уговорах и отказах. Наконец, мы выбрали день. К этому моменту она уже немного освоилась с моим членом (в смысле не теряла сознание при виде его).

Я так ждал этого момента! Я весь дрожал от нетерпения. Я предвкушал рай.

Кончилось все ужасно.

Я был настолько возбужден, что когда мы оказались голыми и над ней (до этого я заранее проконсультировался у старших товарищей), всё что я смог

сделать, это неловко ткнуться до предела эрегированным членом в её волосатую промежность. В следующую секунду я почувствовал знакомый спазм, который начинался где-то в районе головки члена, распространился на яйца и, далее, мгновенно на всё тело... я начал кончать.

Памятуя о наставлениях по поводу нежелательной, но возможной беременности, я судорожно выхватил из под Ани свой член, в следующую секунду обдав её фонтаном спермы.

Она была в сперме вся... без преувеличения. Струя была такой силы, что достигла её подбородка. Никогда не забуду эти сполохи полуметровой длины. Какие там порно-фильмы... там профессиональные ёбари уныло капают из своих намасленных концов. В моей сперме была её шея, обе груди (хорошо, мне удалось после немалых уговоров заголить её всю) и живот. Я всё кончал и кончал. Я бесконечно долго не мог остановиться. Мой несчастный член находился прямо над её мохнатым лобком, каждые пол секунды выплевывая очередную порцию юношеской перегоревшей малафьи. Каждый дальний залп заканчивался тем, что остатки вязкой, потерявшей направление и напор жидкости безнадежно падали прямо под член - на, ещё несколько секунд назад, брюнетисто-лохматый девственный Анин лобок. Не знаю, кому бы такое понравилось.

После того, как я "отплевался", Аня, не говоря ни слова, смоталась в ванну и долго-долго смывала с себя то, что я, как она потом выразилась, "на неё написал". Я был уверен, что на этом наши отношения прекратятся, и я останусь вечным девственником.

Я был почти в отчаянии. Однако, как ни странно, наши отношения продолжились. Неудачные свидания повторялись ещё несколько раз, после чего, я немного по привычке к виду и ощущению обладания её белым телом, наконец, (не без её, разумеется, помощи) ввёл свой член в неё примерно на половину. После чего, правда, его пришлось снова немедленно вытащить, чтобы облить мою стойкую партнершу очередным фонтаном горячей спермы.

В конце концов, мы научились (простите мне грубость) ебаться как взрослые. Она перестала быть девственницей без особой боли и совсем без крови.

Необычный гимн обычной пизде

Нашими упражнениями мы постепенно просто растянули Ане целку настолько, что она смогла принять в себя мой член...

7. Теперь

В середине зимы 2001 года наш Военмеховский поток выпуска 1991-го года отмечал десятилетие в пивном заведении с нехитрым названием "Нектар". В самом начале вечера, уже приняв для разгона на грудь, небольшая компания парней стояла перед входом в кабак на улице. Курили. Разговаривали. Большинство народу я не видел с самого выпуска. Наши повзрослевшие на десять лет девицы, кучковались в помещении, привычно и непрерывно болтая о том о сём.

Неожиданно, прямо ко входу, разгоняя неглубокую снежную кашу, подкатил разухабисто- серебристый Ауди шестой модели с тонированными стеклами. Разговоры мгновенно стихли. У всех в голове одновременно возник ревнивый вопрос "кто же из наших так поднялся?" Дверь автомобиля распахнулась и с пассажирского места появилась *женщина*.

Стройная, точеная фигура, сапоги на высоких каблуках, какое-то умопомрачительное платье и темный дорогой плащ, который был расстегнут, и который она небрежно и грациозно запахнула на ходу. Точеное лицо восточной красавицы. Дорогой, профессионально положенный макияж. Копна роскошных черных как смоль волос. Вопреки давней и безнадежной питерской зиме, лицо женщины было смуглым от загара. Она радостно приветствовала нашу пьяноватую компанию. Кто-то догадался открыть перед ней дверь.

Признаться, узнали её не сразу. Вдруг нелепая мысль одарила мой скучающий мозг - Анька! Ё-моё, кому же ещё это быть! Вот это перемена. В голове услужливо всплыл заголовок "Сказка о гадком утенке". "Да пошел-ка ты на хрен!" - вежливо обратился я к самому себе.

Перекур закончился. Народ, радостно балабоня начал подтягиваться в банкетный зал. Состоялись первые тосты. Военмеховская тусовка понеслась. Я видел как женщины (ох уж эта непоколебимая женская любовь симпатия и дружба!), косятся на Аньку. Слышал даже за соседним столиком чьё-то

завистливое: "Конечно, при таком муже и при таких деньгах. . . шейпинги всякие, там солярии. Одной косметики, небось, на целое состояние".

Я набирался всё больше. Начались танцы. Почему-то я не удивился, что она пригласила меня. Рука ощутила стройную литую талию, под сбруей безупречного платья и верх аккуратной тренированной анькиной попы.

Она всё допытывалась, как у меня дела и, узнав, что всё у меня хорошо, даже как-то приуныла. " Хорошо выглядишь" - заявила она с уважением. "Веду здоровый образ жизни" - неумело парировал я.

Мы танцевали долго. Нас как будто приклеили друг к другу. Быстрые и медленные мелодии сменяли одна другую. В какой-то момент я понял, что теряю нить разговора, перестал до конца понимать, о чем она говорит.

В это время Аня методично рассказывала мне о том, что её муж - хоть и "новый русский", но все-равно, весь какой-то не такой, и с настойчивостью, свойственной хозяевам жизни, допытывалась, как я отношусь к элитным санаториям в курортной зоне под Питером, и не составлю ли ей компанию на выходных, так сказать "по старой памяти" и т.д., и т. п.

Я отвечал невпопад. Да я практически не слушал её. В тот момент я был пьян. Я был счастлив. Я любил весь свет. Я не хотел "по старой памяти". Это идея показалась мне дикой. За десять лет все переменялось. В моем умиленном алкоголем мозгу непрерывно теплилась мысль о том, что в десятке сантиметров под моей ладонью в темном и душном коконе безупречно дорогого женского белья, купленного на деньги неизвестного мне безымянного бандита, живет, аккуратно упакованная аниными руками, такая сладкая, такая знакомая и желанная - первая в моей жизни и поэтому самая главная *женская пизда*. . .